

В.В. Майко, А.В. Гаврилов, В.Д. Гукин

КОМПЛЕКС ОРУЖИЯ, КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ И БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ С ПРАБОЛГАРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X ВВ. В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Поселение¹ находится на юго-западном склоне Кубалачского хребта, который обращен к селу Русскому (рис. 1). Постройки располагались на террасах. Площадь поселения густо заросла лесом и точно не установлена, но может составлять около 300 x 300 м. Могильник поселения находится у его северо-западной окраины на северо-западном отроге склона на ровной площадке. На её поверхности

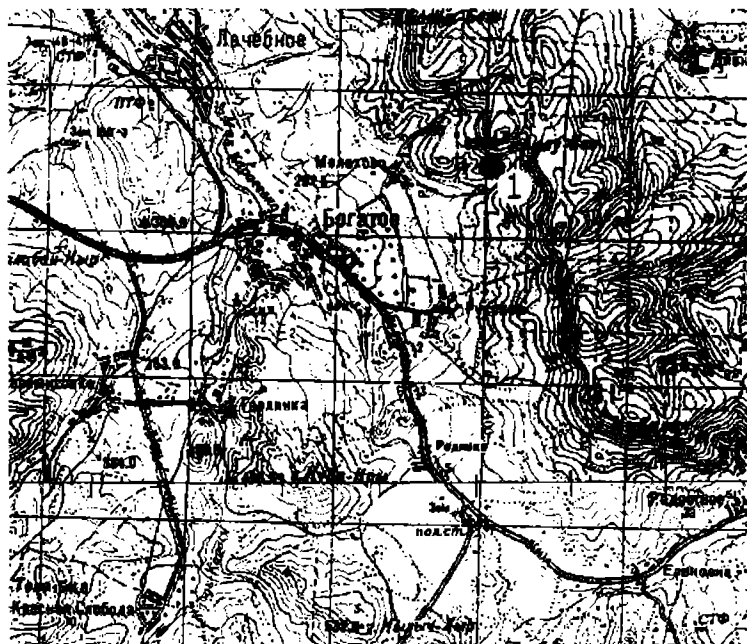

Рис. 1. Месторасположение поселения близ с. Русское в юго-восточном Крыму

¹ Координаты поселения 45,03236 С.ш.; 34,80338 В.д.

видны просадки грунта в виде воронок, которые указывают на места могильных ям. Вследствие относительной мягкости грунта в засыпи могильных ям, некрополь изрыт барсучьими норами.

Этнокультурная атрибуция поселения не вызывает сомнений. В подъемном материале были обнаружены фрагменты амфор причерноморского типа и причерноморских амфор с зональным рифлением, а так же фрагменты кухонной сероглиняной керамики. Все это позволяет отнести памятник к кругу праболгарских древностей т. н. крымского варианта салтово-маяцкой культуры и предварительно датировать в рамках второй половины IX - первой половины X вв. Не исключено и наличие на поселении материалов более позднего времени XI–XIII вв.

Памятник стал известен благодаря местным краеведам, нашедшим на площади его разнообразные изделия из железа. Поселение было осмотрено старшим научным сотрудником КФ ИА НАНУ А.В. Гавриловым и научным сотрудником Государственного Эрмитажа В.Д. Гукиным, ими же и собран основной материал, приводимый в докладе. Находки краеведов, упомянутые выше, были переданы ими в фонды музея "Судакская крепость". Основная масса предметов располагалась на небольшой площади памятника и, вероятно, была связана с одним, возможно, несколькими хозяйственными комплексами.

Большая часть предметов уникальна для праболгарских памятников юго-восточного Крыма, уникально для одного памятника их разнообразие и количество. Остановимся коротко на характеристике изделий. Все они традиционно разделены на предметы вооружения, конского снаряжения, земледельческие орудия, ремесленные и бытовые предметы.

Вооружение. Предметы, безусловно, относимые к вооружению, представлены наконечниками копий, фрагментами клинков мечей и сабель и длинными боевыми ножами.

Наконечники копий представлены двумя целыми экземплярами, двумя втулками и пером от наконечника.

Наконечник копья 1 – (рис. 2, 3) наконечник копья с узким пером в виде четырехгранного уплощенного стержня и вытянутой очень узкой воронковидной тщательно спаянной втулкой, в нижней части которой расположены два отверстия для крепления. Длина пера и втулки практически одинакова. Наконечник копья 2 – (рис. 2, 7) наконечник копья с узким клиновидным четырехгранным пером.

плечики пера слабо выражены и плавно переходят и в насад и втулку. Последняя, воронковидная вытянутая, по длине больше пера, у основания втулки отверстие для крепления. Наконечник копья 3 – (рис. 2, 1) узкое перо в виде ярко выраженного четырехгранного заостренного стержня, плечики пера слабо выражены, на двух гранях подчеркнуты рельефной линией и плавно переходят во втулку. Последняя обломана. Наконечник копья 4 – (рис. 2, 2) сохранилась только вытянутая воронковидная втулка, две половинки которой спаяны, перо обломано. Наконечник копья 5 – (рис. 2, 6) сохранилась только нижняя половина воронковидной втулки, края которой разомкнуты.

Невызывает сомнений, что все публикуемые наконечники и, вероятно, втулки от наконечников относятся к наиболее массовому для салтовцев VIII–X вв. типу бронзёных копий-пик². В степях Причерноморья они появляются еще на рубеже VII–VIII вв. [Комар, Сухобоков 2000, с. 6, рис. 3, 49] совпад, во времени с появлением кольчуги. Копья-пики широко известны в общепризнанных и проверенных временем типологиях А.Н. Кирпичникова и Ю.С. Худякова [Кирпичников, 1966, 7, рис. 1; Худяков 1986, с. 162, рис. 71]. Согласно последней обобщающей типологии А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева [1985, 337, табл. 125, V, 7] они относятся к типу

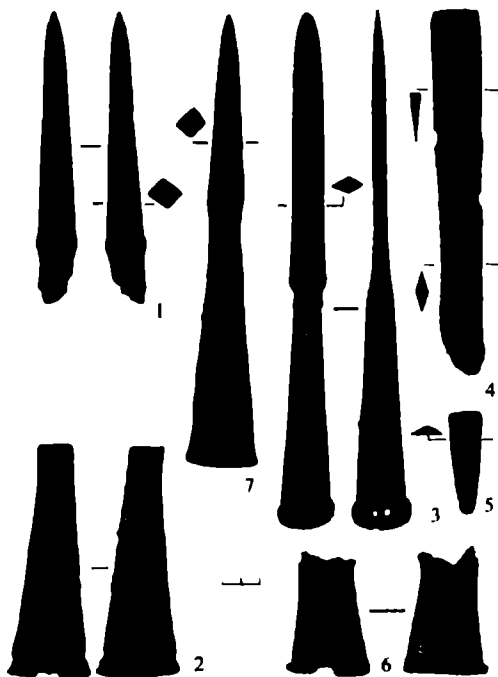

Рис. 2. Наконечники копий и фрагменты клинков сабель из материалов поселения

² Последняя обобщающая их типология для салтовцев Подонья, составленная на материалах Сухогомольшанского некрополя, приведена в монографии В.С. Аксенова и В.К. Михеева [2006, 110-112].

V, появление которого на вооружении древнерусских воинов авторы связывают с влияниями степного юго-востока. Однако уже в середине X в., а в восточном Казахстане еще на рубеже IX-X вв. [Худяков, 1980, с. 59], они получают широкое распространение и становятся интернациональным оружием. Только со второй половины X в. наблюдается тенденция к расширению нижней части втулки, отсутствующая на наших экземплярах. До этого, среди праболгарских памятников юго-восточного Крыма была известна всего одна втулка, происходящая из раскопок городища на плато Тепсень [Майко, 2004, с. 215, рис. 122, 10].

В Подонье, в кремационных погребениях Сухогомольшанского, Красногорского и ингумационных Нетайловского могильников, где, согласно археологическим данным, они в основном и встречаются, точные аналогии нашему наконечнику 1 неизвестны. Дело в том, что он имеет несомненные общие черты с экземплярами типа погребения 252 Сухогомольшанского некрополя [Аксенов, Михеев, 2006, с. 265, рис. 63, 17] по степени подчеркнутости плечиков, однако, в нашем случае они еще более подчеркнуты. По степени уплощенности пера наш наконечник близок экземпляру из комплекса XVI Сухогомольшанского некрополя [Аксенов, Михеев, 2006, с. 274, рис. 72, 1]. Указанные признаки приближают его к наконечникам типа 2 согласно типологии В.С. Аксенова и В.К. Михеева [2006, 111], очень редким, прежде всего из-за поздней хронологии, для салтовцев Подонья. Однако на месте перехода в перо наша втулка не такая тонкая. Острие пера не такое клиновидное, а имеет округлые очертания. Возможно, публикуемый наконечник копья один из самых ранних, появившихся в период гибели салтовской культуры Подонья и получивших распространение уже в первой половине X в.

По мнению А.В. Крыганова, подобные наконечники, относимые им к типу 2 [Крыганов, 1989, с. 102, рис. 3, 3], так же редки для салтовцев Подонья. Их происхождение автор связывал с влияниями Дунайской Болгарии, где эта форма, в свою очередь, была позаимствована у авар [1989, 102].

Наконечник 2 и перо наконечника 3, получившие широкое распространение, типологически близки экземплярам из Сухой Гомольши (погребение № 175 [Михеев, 1986, с. 170, рис. 7, 1; Аксенов, Михеев, 2006, с. 243, рис. 41, 6], комплекс V [Аксенов, Михеев, 2006, с. 221, рис. 19, 3]), Красной горки [Комар, Сухобоков, 2000, с. 6, рис. 3, 51], Нетайловки [Аксенов, Хоружая, 2005, с. 207,

рис. 7, 15], Ново-Покровки [Плетнева, 1967, с. 158, рис. 43, 3], поселения Кочеток [Михеев, 1985, с. 123, рис. 14, 1], болгарских поселений низовий Камы [Казаков, 1991, с. 100, рис. 35, 10]. Близкие экземпляры с неправильно ромбовидным пером происходят и из раскопок Правобережного Цимлянского городища [Ляпушкин, 1958, с. 123, рис. 16; Плетнева, 1995, с. 377, рис. 40, 3]. Находка подобного наконечника в широко известном разрушенном захоронении близ с. Красен на северо-востоке Болгарии (Русенский округ) в погребении в комплексе с конским снаряжением [Йотов, 2000, с. 131, обр. 4, 2], лишний раз свидетельствует, что этот тип копий был характерен, прежде всего, для конных воинов. Не исключено, что причины появления в Крыму подобных наконечников связаны с влияниями салтовцев Подонья. Именно этими влияниями объясняется, например, появление подобных наконечников у племен Центрального и Северо-западного Кавказа [Каминский, Каминская-Цокур, 1997, с. 63–64].

Клиновое оружие представлено фрагментом нижней части лезвия т. н. салтовской однолезвийной сабли или палаша переходного типа, конец которого тщательно заточен с двух сторон [Комар, Сухобоков, 2000, с. 9] (рис. 2, 4), и заточенным с двух сторон острием клинка (рис. 2, 5). Отнесение их к конкретному типу затруднительно, однако в первом случае (рис. 2, 4) кривизны клинка на сохранившемся участке не заметно. О форме второго клинка с подтреугольной формой острия сказать что-либо конкретное невозможно, но не исключено, что он относится к достаточно редким, т. н. ранним салтовским двулезвийным мечам [Комар, Сухобоков, 2000, с. 9]. До этого фрагмент клинка однолезвийного палаша был обнаружен только в т.н. погребении всадника городища на плато Тепсень [Майко, 2004, с. 155, рис. 86, 1].

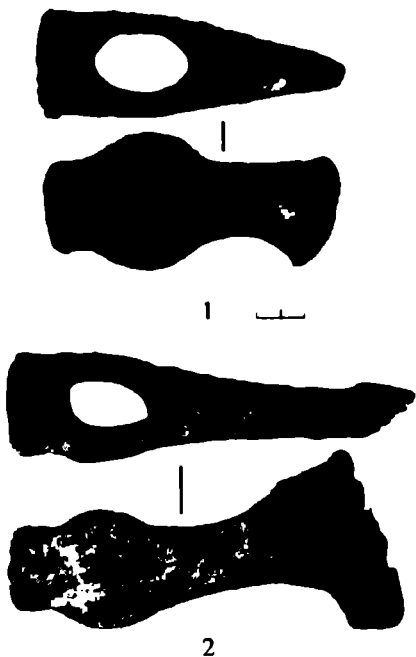

Рис. 3. Топоры из материалов поселения

Отдельную категорию вооружения составляют два железных топора.

Топор 1 – (рис. 3, 1) небольшой топорик с коротким молотообразным обухом и плавно отогнутым вниз коротким лезвием. Топор 2 – (рис. 3, 2) топор с коротким прямым обухом и сильно отогнутым вниз и вверх длинным лезвием. Один край лезвия обломан.

Многолетними археологическими исследованиями установлено, что топоры более характерны для аланского варианта салтовско-маяцкой культуры [Плетнева, 1967, с. 158]. Рассматриваемые же экземпляры существенно от них отличаются. Это, прежде всего, длинное массивное подтреугольное лезвие и короткий молотообразный обух [Плетнева, 1995, с. 320]. Типологически близкие экземпляры топору 2, правда с молотообразным обухом и не таким ярко выраженным оттянутым вниз лезвием, происходят из катакомбы 7 Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989, с. 75, рис. 35] и Правобережного Цимлянского городища [Плетнева, 1995, с. 378, рис. 41, 3, 4]. Близок и топор первой половины X в. из культурного слоя многослойного праболгарского поселения у с. Нова Черна Силистренского округа Болгарии [Милчев, Ангелова, 1969, с. 42, обр. 9]. Сильно оттянутое вверх и вниз лезвие приближает топор 2 к ранним древнерусским образцам середины X в. Морфологически близкий топор, правда, с острыми щекавицами и не такой ярко оттянутой верх верхней частью лезвия, происходит из случайных находок на Харьковщине и отнесен к древнерусским образцам X–XI вв. [Колода, 2007, с. 7–8]. Точных аналогий топору 1, который, возможно, использовался и в хозяйственных целях, нам неизвестно. Некоторые общие черты имеет топорик «малых форм», происходящий из клада орудий труда городища Битица [Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989, с. 96, рис. 3, 1829]³.

Исходя из хронологической таблицы С.А. Плетневой [Степи Евразии, 1981, с. 166, рис. 52, 119], топоры с коротким обухом и слегка отогнутым вниз лезвием в материалах Волжских болгар наиболее характерны для первой половины – середины X в. Именно

³ Там же и основные, в том числе салтовские аналогии изделию.

⁴ Историография работ до 1967 г. коротко изложена в классической работе С.А. Плетневой [1967, с. 157]. Среди последних исследований можно назвать [Аксенов 1998, с. 137–139; Комар, Сухобоков 2000] и целый ряд работ А.В. Крыганова [1987; 1989, с. 98–101; 1993, с. 52–62].

с этого времени начинается тенденция к оттягиванию лезвия топора вниз.

Общеизвестно, что проблема вооружения и военного дела салтово-маяцкой культуры на протяжении не одного десятка лет – одна из наиболее популярных в археологической литературе⁴. Однако, известно и то, что до обнаружения приводимого комплекса предметов вооружения судить о характере вооружения населения Юго-Восточного Крыма второй половины IX – первой половины X вв. было невозможно. За все годы раскопок погребений Юго-Восточной и Восточной Таврики второй половины VIII – первой

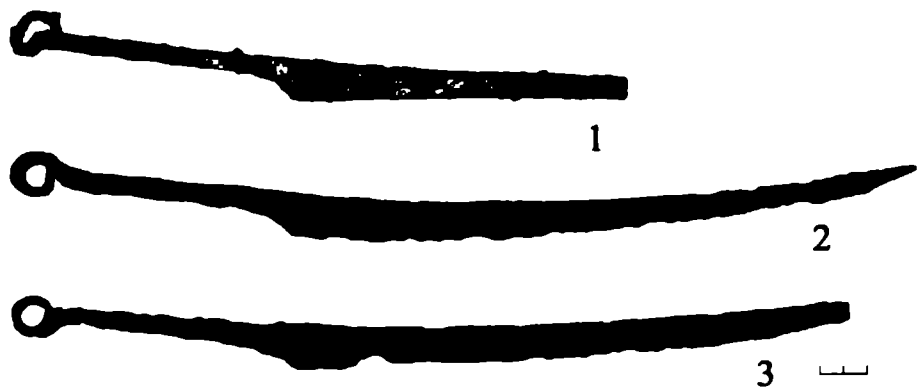

Рис. 4. Ритуальные ножи из материалов поселения

половины X вв. с предметами вооружения и конского снаряжения не обнаружено. Не исключено, что это в первую очередь связано с христианизацией погребального обряда. Однако, и в материалах поселений предметы вооружения и конского снаряжения не просто единичны, а уникальны.

Публикуемый вещевой материал кардинальным образом расширяет наши представления об этой стороне жизнедеятельности праболгар полуострова. Однако, специфический характер находок все же затрудняет выводы об общей специфике военного дела салтовцев Таврики. Тем не менее, абстрагируясь от общеисторической ситуации, предварительно можно констатировать, что рассматриваемые находки свидетельствуют о преобладании легковооруженной конницы, использовавшей

соответствующий тип вооружения (копья-пики, топоры, сабли-палаши).

Конское снаряжение. Обнаруженные железные изделия, связанные с конским снаряжением, относимые современными исследователями к предметам быта [Комар, Сухобоков, 2000, с. 16], представлены удилами, подковами, подпружными пряжками и бронзовыми накладками и бляхами на конскую упряжь.

Удила 1 – (рис. 5, 1) левая часть двусоставных удил с грызлами и псалиями. Окончания стержней грызел имеют восьмерковидную форму. Неподвижная петля для псалиев и петля для поводного ремня развернуты в разных плоскостях, перпендикулярно друг другу. Стержень грызел гладкий уплощенный, в петле для поводного ремня сохранилось подвижное сбруйное кольцо, неподвижная

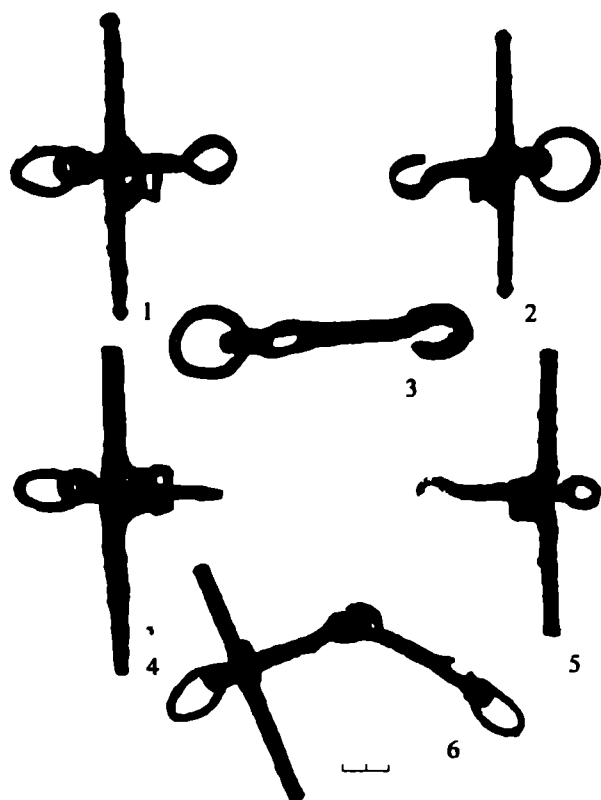

Рис. 5. Двусоставные удила из материалов поселения

петля, соединяющая две части грызел, замкнутая. Именно эта петля носит сильные следы сработанности. Псалии прямые (гвоздевидные), стержень псалиев округлый в разрезе, профилированный с округлыми окончаниями на концах. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» трапецевидной с квадратным выступом пластины. В квадратном выступе прямоугольный паз для ремня оголовья. В трапецевидной

пластине – полукруглый паз для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев.

Удила 2 – (рис. 5, 2) правая часть аналогичных двусоставных удил с грызлами и псалиями. Окончания стержней грызел имеют восьмерковидную форму. Неподвижная петля для псалиев и петля для поводного ремня развернуты в разных плоскостях, перпендикулярно друг другу. Петля для поводного ремня носит следы сработанности. Стержень грызел гладкий уплощенный, в петле для поводного ремня сохранилось подвижное сбруйное кольцо, неподвижная петля, соединяющая две части грызел, разомкнутая. Она также носит следы сработанности. Псалии прямые (гвоздевидные), стержень псалиев округлый в разрезе, гладкий с округлыми окончаниями на концах. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» трапециевидной с квадратным выступом пластины. В квадратном выступе прямоугольный паз для ремня оголовья. В трапециевидной пластине – полукруглый паз для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев.

Удила 3 – (рис. 5, 3) левая часть аналогичных двусоставных удил с грызлами и псалиями. Сохранились только аналогичные удилам 1 и 2 грызла с восьмерковидным окончанием, где петли для псалиев и поводного ремня развернуты перпендикулярно друг другу. Стержень грызел гладкий уплощенный, в петле для поводного ремня сохранилось подвижное сбруйное кольцо, неподвижная петля, соединяющая две части грызел, разомкнутая.

Удила 4 – (рис. 5, 4) левая часть аналогичных двусоставных удил с грызлами и псалиями. Окончания стержней грызел имеют восьмерковидную форму. Неподвижная петля для псалиев и петля для поводного ремня развернуты в разных плоскостях, перпендикулярно друг другу. Стержень грызел гладкий уплощенный, в петле для поводного ремня сохранилось подвижное сбруйное кольцо, носящее следы сработанности. Неподвижная петля, соединяющая две части грызел, сомкнутая. Псалии прямые (гвоздевидные), стержень псалиев прямоугольный в разрезе, гладкий. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» прямоугольной, плавно расширяющейся книзу с прямоугольным выступом пластины. В прямоугольном выступе прямоугольный паз для ремня оголовья. В самой пластине – полукруглый паз для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев.

Удила 5 – (рис. 5, 5) правая часть аналогичных двусоставных удил с грызлами и псалиями. Окончания стержней грызел имеют восьмерковидную форму. Неподвижные петля для псалиев и петля для поводного ремня развернуты в разных плоскостях, перпендикулярно друг другу. Сильные следы сработанности носит неподвижная петля для псалиев. Стержень грызел гладкий уплощенный, неподвижная петля, соединяющая две части грызел, обломана. Псалии прямые (гвоздевидные), стержень псалиев подпрямоугольный в разрезе, гладкий. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» прямоугольной, плавно расширяющейся книзу с прямоугольным выступом пластины. В прямоугольном выступе прямоугольный паз для ремня оголовья. В самой пластине – полукруглый паз для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев.

Удила 6 – (рис. 5, 6) аналогичные двусоставные удила с грызлами и псалиями. Окончания стержней грызел имеют восьмерковидную форму. Неподвижные петля для псалиев и петля для поводного ремня развернуты в разных плоскостях, перпендикулярно друг другу. Стержни грызел гладкие уплощенные, в петле для поводного ремня сохранились подвижные сбруйные кольца, неподвижные петли, соединяющие две части грызел, сомкнутые. Сохранился только левый прямой (гвоздевидный) псалий. Стержень его округлый в разрезе, гладкий непрофилированный. В середине стержня псалия имеются два продолговатых отверстия, в которые вкованы «лапки» прямоугольной пластины с прямоугольным отверстием для прохода неподвижного кольца грызел для крепления псалиев. Петля для крепления псалиев правого грызла обломана, псалий не сохранился.

Таким образом, все обнаруженные удила относятся к одному типу двусоставных удил с гвоздевидными псалиями, имеющими вкованную пластину для крепления ремня оголовья. Незначительные отличия заключаются только в морфологии стержней и вкованных пластин псалиев. Так, первые два фрагмента удил имеют округлый стержень псалиев, более или менее профилированный, тогда как у удил 4 и 5 стержень псалиев уплощенный прямоугольный в

⁵ Согласно типологии А.В. Крыганова, где в основу положена форма стержня псалия, они относятся ко всем трем выделяемым вариантам подобных удил [1989, с. 106, рис. 4].

сечении, а у удила 6 – округлый непрофилированный. В то же время вкованная пластина для ремня оголовья у псалиев удила 1 и 2 – трапециевидная с квадратным выступом и двумя отверстиями, у псалиев удила 4 и 5 – аналогичная, но расширяющаяся книзу, а у удила 6 – прямоугольная с одним отверстием. Может ли все это являться основанием для выделения вариантов, сказать сложно⁵. По замечанию С.А. Плетневой, стандартизация производства этой категории конского снаряжения отсутствовала [Плетнева, 1989, с. 81].

Аналогии описываемому типу удила чрезвычайно обширны⁶ и не раз приводились в литературе, начиная с монографического исследования Г.А. Федорова-Давыдова [1966, с. 20]. Установлена их преемственность с удилами с S-видными псалиями и грлызлами, петли которых расположены в одной плоскости [Крыганов, 1989, с. 99–107; Плетнева, 1967, с. 167]. По сути дела, это своеобразная визитная карточка этой части конского снаряжения населения Хазарского каганата для второй половины IX – первой половины X вв. Судя по хронологической таблице С.А. Плетневой [Степи Евразии, 1981, с. 148, рис. 36, 35], удила типов 1, 2, 4, 5 в Подонье получают наибольшее распространение именно на рубеже IX–X вв. Тем не менее, точных аналогий нашим удилам немного [Ляпушкин, 1958, с. 122, рис. 15; Плетнева, 1995, с. 378, рис. 41, 6–10], что, исходя из вышеприведенного замечания С.А. Плетневой, вполне понятно. Например, псалии удила из катакомбы 126 Дмитриевского могильника и раскопок Красногорского некрополя аналогичны рассматриваемым удилам 1 и 2, но стержень грызел в одном случае витой [Плетнева, 1989, с. 82, рис. 38, 126], в другом – сам стержень псалиев с насечками [Михеев, 2004, с. 79, рис. 3, 30]. Очень близок удилам 4 и 5 экземпляр из катакомбы 173 Дмитровского некрополя [Плетнева, 1989, с. 82, рис. 38, 173], но и здесь есть некоторые отличия. Интересен другой факт. В погребениях аланского в своей основе Дмитриевского некрополя двусоставных удила с перпендикулярно расположенными кольцами грызел и псалиями, имеющими вкованные пластины с отверстиями, всего два [Плетнева, 1989, с. 82]. В материалах

⁶ Среди последних находок полевого сезона 2008 г. аналогичные удила с профилированным стержнем псалиев обнаружены в материалах селища П округи городища Мохнач (раскопки В.В. Колоды), а с гладкими округлыми стержнями из грунтовых погребений 482 и 486 Нетайловского могильника (раскопки В.С. Аксенова и А.А. Тортики). Выражаю авторам глубокую признательность за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

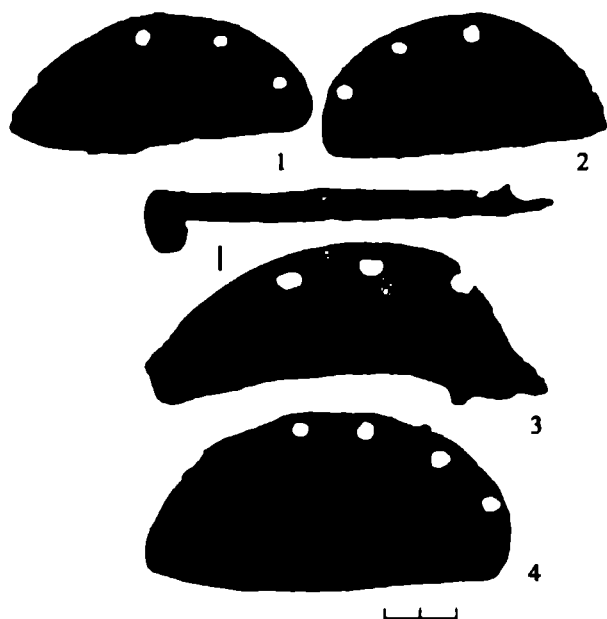

Рис. 6. Подковы из материалов поселения

представительная для юго-восточного Крыма коллекция железных подков (рис. 6). Три из них (рис. 6, 1, 2, 4), сохранившиеся частично, полукруглой формы с отверстиями для крепления однотипны. четвертая – (рис. 6, 3) дуговидная, сохранившаяся на половину с шипом на конце. Аналогии этим изделиям чрезвычайно многочисленны среди всех раннесредневековых древностей Восточной Европы. Общеизвестно, что длительный период их бытования не позволяет привлечь данные находки в качестве датирующего материала.

К редким, а для Юго-Восточного Крыма уникальным находкам относится конский ледоходный шип (рис. 10, 6), верх которого обломан. По свидетельству А.Н. Кирпичникова и А.Ф. Медведева подобные находки на Руси [1985, с. 362, табл. 148, 26] появляются еще со второй половины IX в. [1985, с. 319]. Остается только предполагать, что данный предмет, вследствие отсутствия в Крыму достаточного количества льда, использовался для удобства езды в горной труднодоступной местности.

же праболгарского Нетайловского некрополя [Аксенов, Хоружая, 2005, с. 204-205], Правобережного Цимлянского городища [Плетнева, 1995, с. 378], праболгарского некрополя городища Маяки на северных склонах Ложникова яра [Копыл, Татаринов, 1990, с. 70, рис. 5, 11, 12] такие удила преобладают.

Комплекс предметов конского снаряжения дополняет достаточно

В комплекс рассматриваемых предметов конского снаряжения входят и три подпружные пряжки (рис. 7, 8–10), одна из них с сохранившимся язычком. Все они полуовальной формы, изготовленные из прямоугольного в поперечном сечении расклепанного прута. Аналогии им чрезвычайно многочисленны. Типологически близкие праболгарские крымские экземпляры происходят из погребения 12 некрополя Судак-VI [Майко, 2007, с. 158, рис. 101, 6] и заполнения жилого помещения мастерской на участке куртины XV Судакской крепости [Баранов, Майко, 1996, с. 87, рис. 3, 7]. За пределами полуострова наиболее полные коллекции получены при раскопках Нетайловского некрополя [Жиронкина, Крыганов, Цитковская, 1997, с. 166, рис. II, 3] и Правобережного Цимлянского городища [Ляпушкин, 1958, с. 122, рис. 15; Плетнева, 1995, с. 378, рис. 41, 15; Флёров, 1995, с. 510, рис. 19, 5].

Интересным, достаточно редким, а для Крыма уникальным предметом, связанным с верховой ездой, является полукруглое железное изделие

с неподвижными кольцами на концах, в одно из которых продето два подовальных изогнутых подвижных кольца (рис. 10, 2). Большинство специалистов считает их составной частью т. н. железного замка от конских пут. Помимо известных аналогий в правобережном Цимлянском городище и Подонье [Плетнева, 1967, с. 149, рис. 39, 2; Плетнева, 1995, с. 380, рис. 43, 6; Михеев, 1985, с.

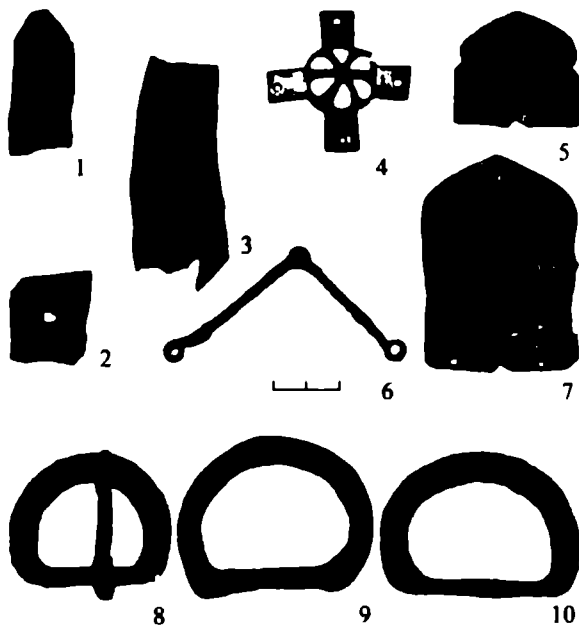

Рис. 7. Накладки на конскую сбрую и сбруйные пряжки из материалов поселения

27], древнерусских [Колчин, 1953, № 32] и болгарских Камских [Казаков, 1991, с. 106, рис. 37, 7] материалов, наиболее полная сводка находок этих изделий в Восточной Европе и их подробный анализ представлены в работе немецкого исследователя Иохима Хеннинга [Henning, 1991, с. 52-61]. Тем же отмечен и наиболее близкий нашему экземпляру из Преслава [Henning, 1991, с. 57, fig. 3, 3], датирующийся серединой X в.

Отдельную категорию находок составляют бронзовые уздечные бляшки-накладки. Наиболее широко известны бляшки геральдической формы. У экземпляра (рис. 7, 5) сохранилось два отверстия с заклепками, а у крупной удлиненной бляшки (рис. 7, 7) три отверстия, в одном из которых присутствует заклепка. Аналогии им чрезвычайно многочисленны. Среди последних можно назвать экземпляры из Нетайловского могильника [Крыганов, 2004, с. 191, рис. 2, 5]. Вероятно, фрагментами бронзовых накладок являются и экземпляры (рис. 7, 1-3). Плохая сохранность изделий не позволяет соотнести их с конкретным типом. Несомненный интерес представляет серебряная с позолотой крестовидная бляха от конского оголовья (рис. 7, 4). Сердцевина ее выполнена в виде полусферы, разделенной шестью прорезными лепестками. На краях расположены отверстия для крепления. Точные аналогии этой бляхи в праболгарских древностях Крыма и Подонья нам неизвестны.

Таким образом, и предметы конского снаряжения, так же как и вооружение, в основной своей массе уникальны для праболгар юго-восточного Крыма.

Земледельческие орудия. Данный комплекс находок достаточно беден и представлен серпами и т.н. теслами-мотыжками. Тесло-мотыжка 1 – (рис. 8, 1) имеет цилиндрическую втулку и прямоугольное лезвие, немного шире втулки, лезвие имеет заметную трещину по всей длине. Тесло-мотыжка 2 – (рис. 8, 2) отличается втулкой, несколько сужающейся книзу, лезвие шире втулки и плавно расширяется по краям, придавая рабочему краю полукруглую форму. Тесла-мотыжки – своеобразная визитная карточка праболгарского земледелия Крыма, как и всей территории Хазарского каганата. Типологии их широко известны [Плетнева, 1989, с. 93]. Неплохая коллекция подобных изделий получена благодаря раскопкам городища на плато Тепсень [Баранов, 1990, с. 70, рис. 24, 4-6] и поселения Кордон-Оба [Баранов, 1990, с. 83, рис. 27, 4,8]. Аналогии публикуемым теслам-мотыгам, происходящие как из погребальных комплексов, так и с поселенческих и городских настолько многочисленны, география настолько широка,

что приводить их нет смысла⁷. Большинство исследователей согласно с тем, что это были многофункциональные орудия [Михеев, 1985, с. 39; Плетнева, 1989, с. 91,93; Баранов, 1990, с. 71], имевшие, соответственно, как « глаголевидные » [Нестеров, 1981, с. 172], так и прямые деревянные ручки. Использовались они не только как земледельческие орудия, но и как плотнические и, возможно, предметы вооружения [Худяков, 1981, с. 120]. Специальное исследование тесел Южной Сибири,

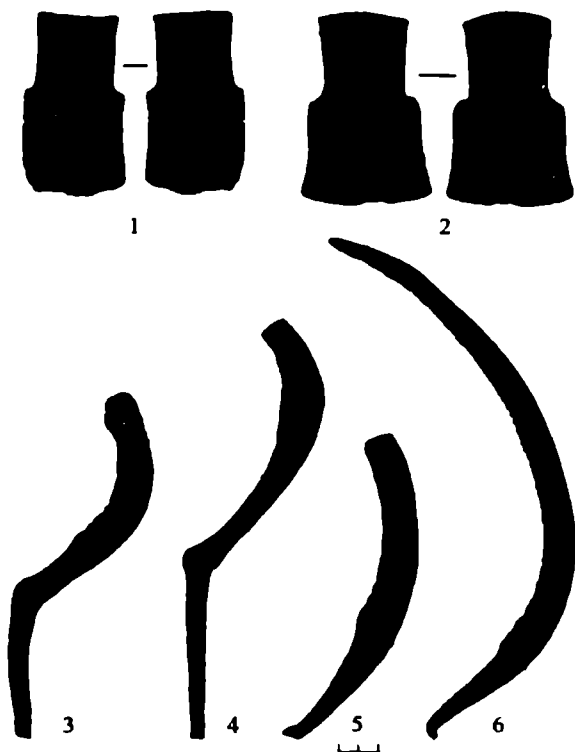

Рис. 8. Тесла-мотыжки и серпы из материалов поселения.

проведенное С.П. Нестеровым [1981, с. 172], показывает, что тесла-мотыги, типологически близкие экземпляру (рис. 8, 2), датируются более поздним временем, нежели экземпляр (рис. 8, 1).

К комплексу земледельческих орудий сбора урожая можно с уверенностью отнести три фрагмента и один целый серп. Они двух основных видов: с длинным подквадратным в сечении черешком. Угол между линией черешка и началом лезвия составляет около 45° (рис. 8, 3,4). К сожалению, лезвия обоих серпов сохранились не полностью, т.ч. судить об их длине и высоте изгиба затруднительно. Заметим только, что лезвие серпа (рис.8, 4) на середине слегка

⁷ Среди последних публикаций [Аксенов 2001а, 66, рис. 1, 24; Аксенов 2001, 4, рис. 1, 7; Плетнева 1995, 381, рис. 44, 11-16].

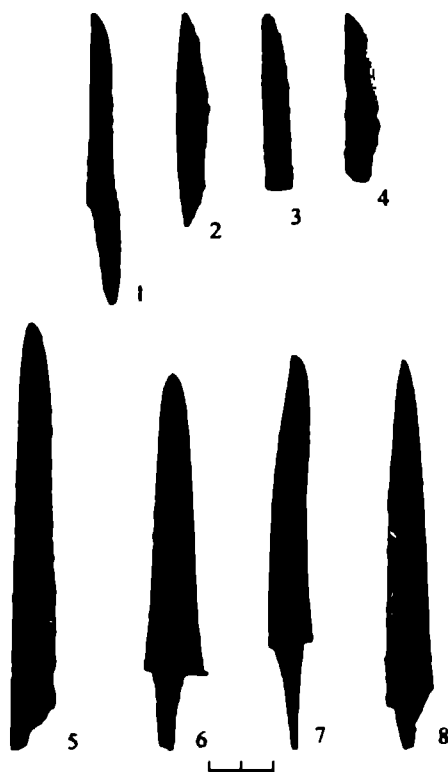

Рис. 9. Бытовые ножи из материалов поселения.

расширено, а в лезвии серпа (рис. 8, 3) пробито отверстие и обломанный край заглажен. Ко второму типу относится фрагмент и целый серп (рис. 8, 5, 6). Их отличает практически отсутствие черешка. На месте крепления рукояти расположен опорный шип. Само тонкое, почти прямое у острого конца и круто изгибающееся у черешка лезвие с хорошо выделенными зубьями, является прямым продолжением черешка. До этого для раннесредневековой Таврики И.А. Барановым упоминался только один серп с пилообразным лезвием, происходящий из раскопок поселения Тау-Кипчак [Баранов, 1990, с. 71].

Средневековые серпы Восточной Европы, в том числе юго-восточного Крыма [Баранов, 1990, с. 71], не раз становились предметом публикаций. Хорошо разработана и методика их

исследований [Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989, с. 97-98; Сухобоков, Горбаненко, 2004, с. 386]. Оба типа серпов хорошо известны среди земледельческого инвентаря салтовской культуры, аналогии им есть практически на каждом памятнике салтово-маяцкой культуры Восточной Европы. Наиболее полная коллекция серпов из праболгарских памятников юго-восточного Крыма происходит из раскопок городища на плато Тепсень [Майко, 2004, с. 218, рис. 124, 4-7] и поселения Кордон-Оба [Баранов, 1990, с. 83, рис. 27].

Приводимые земледельческие орудия, в отличие от предметов вооружения и конского снаряжения, в основной своей массе не уникальны для праболгар Юго-Восточного Крыма, однако лишние раз свидетельствуют о высоком уровне развития земледелия салтовцев этой части полуострова.

Ремесленные орудия и бытовые предметы немногочисленны, но разнообразны. К первым можно отнести прямоугольный в сечении железный клин, служивший, вероятно, в качестве кузнечного пробойника (рис. 11, 4). Тем не менее, изделие наверняка было многофункциональное. Аналогии ему многочисленны [Плетнева, 1995, с. 386, рис. 49, 6], в том числе и в Крыму [Майко, 2004, с. 220, рис. 126, 1]. Трудно атрибутировать железный прямоугольный, суживающийся с одной стороны предмет, ладьевидной формы с углублением и четырьмя сквозными отверстиями (рис. 11, 5). С обратной углублению стороны на изделие напаяна прямоугольная пластина, придающая ему прочную реберчатую конструкцию. Изделие наверняка имеет ремесленное назначение. Типологически близка ему уникальная для Подонья гвоздильня, обнаруженная в хозяйственной яме поселения у с. Волчанск [Михеев, 1985, с. 144, рис. 35, 22]. В таком случае, у нашего экземпляра обломан черенок для деревянной ручки.

Комплекс бытовых предметов представлен коллекцией разнообразных ножей, а также различными изделиями, некоторые из которых атрибутировать сложно. Обнаружено восемь бытовых ножей (рис. 9) самой разнообразной формы и размеров, включая экземпляр со свинцовым (рис. 9, 5) и железным (рис. 9, 6) фиксатором ручки, изогнутым и прямым лезвиями (рис. 9, 7, 8). Фиксаторы лезвий в обоих случаях крепились с одной стороны изделия. Коллекции салтовских ножей всех публикуемых типов чрезвычайно многочисленны [Ляпушкин, 1958, с. 125, рис. 18; Плетнева, 1995, с. 381, рис. 44, 1–10], в том числе и для юго-восточного Крыма. Типология их хорошо известна и проверена временем [Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 91–92]. Их бытовое использование не вызывает сомнений.

Отдельно следует упомянуть о находке трех экземпляров длинных ножей. Это изделия с длинным тонким однолезвийным клинком, длинной, подквадратной в сечении ручкой, оканчивающейся петлей для подвешивания. В двух случаях (рис. 4, 1, 3) она закручена в противоположную сторону от лезвия, в одном (рис. 4, 2) - в его сторону. Клинок ножей (рис. 4, 2, 3) имеет заметный изгиб. Клинок ножа (рис. 4, 1) сохранился на половину длины. На сохранившейся части ножа его изгиба не заметно, а лезвие слегка вогнуто.

Аналогичные ножи чрезвычайно редки и для Подонья. Два экземпляра происходят из хозяйственного помещения Маяцкого городища, где они найдены вместе с серпом [Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 93, рис. 4, 2, 3; Михеев, 1985, с. 128, рис. 19, 17, 18].

Аналогии им известны только на территории Болгарии [Михеев, 1985, с. 29]. По мнению В.К. Михеева, они использовались для убоя скота в ритуальных целях, особенно после принятия праболгарами христианства [Михеев, 1985, с. 29]. Не исключено, что они, прежде всего, использовались в быту и изготовлены были по заказу местными кузнецами

Рис. 10. Бытовые предметы и предметы конского снаряжения из материалов поселения

Рис. 11. Бытовые предметы из материалов поселения

Отдельные бытовые предметы представлены крупным железным боталом (рис. 10, 1) с приподнятыми вверх верхними углами наиболее распространенной для салтовцев Подонья трапециевидной формы [Михеев, 1985, с. 27]. Петля для подвешивания обломана, на внутренней подовальной формы петле язычок не сохранился. Для Юго-Восточного Крыма эта находка уникальна, однако, в салтово-

маяцких древностях Подонья они достаточно широко известны. Известны они как среди материалов жилых комплексов [Михеев, 1985, с. 27; Колода, 2005, с. 230, рис. 9, 3], где использовались для домашних животных, в основном овец, так и катакомбных некрополей [Плетнева, 1989, с. 89, рис. 43, 106], где служили составной частью воинской конской сбруи. Типологически близкое ботало встречено и при раскопках Первой столицы Болгарского царства Плиски [Дончева-Петкова, 1992, с. 141, обр. 35, а].

Комплекс бытовых предметов дополняет фрагмент петлевидной аккуратно изготовленной крупной железной ручки от казана с округлыми окончаниями с заклепками для крепления к тулову сосуда (рис. 11, 3). Аналогии им, правда изготовленные не столь тщательно, чрезвычайно многочисленны [Ляпушкин, 1958, с. 124, рис. 17; Плетнева, 1995, с. 391, рис. 54, 8,10; Казаков, 1991, с. 110, рис. 38]. Неоднозначны в атрибуции и крупные железные крюки с длинным прямым заостренным цевьем и загнутым краем в виде незамкнутой петли (рис. 11, 2). Совершенно очевидно, что их чрезвычайно сложно было использовать для рыбной ловли, на цевье полностью отсутствует бороздка. С.А. Плетнева, соглашаясь с мнением Б.А. Колчина, считает подобные экземпляры Правобережного Цимлянского городища [Плетнева, 1995, с. 388, рис. 51, 22] деталью безмена [Плетнева, 1995, с. 325]. Тем не менее, многофункциональность крюков не вызывает сомнений.

Обнаружено и два железных пробоя с кольцами. Первый представлен небольшим пробоем с овальным кольцом (рис. 10, 4). Аналогии ему хорошо известны среди подобных изделий Правобережного Цимлянского городища [Плетнева, 1995, с. 381, рис. 44, 20]. Несомненный интерес представляет пробой с массивным подпрямоугольным кольцом. Последнее продето в неподвижное кольцо, которым заканчивается длинная плоская в сечении полоса (рис. 10, 8). При этом, неподвижное кольцо расположено перпендикулярно к пластине. Противоположный край пластины, вероятно, заканчивался в форме крючка, край которого обломан. По центру пластины и возле петли расположены крупные железные заклепки для крепления пластины к деревянной основе. Предположить функциональное назначение данного оригинального предмета сложно. Сказанное справедливо и по отношению к неширокой железной прямоугольной в сечении полосе (рис. 10, 7), согнутой под углом в центральной части. Один ее край заканчивается

неподвижным кольцом, расположенным по оси пластины, другой – небольшой втулкой с разомкнутыми краями. Трудно сказать что-либо конкретное и относительно предмета в виде железного круглого кольца, изготовленного из плоской в сечении пластины, концы которой заострены (рис. 10, 3). Вероятно, в древности они были спаяны между собой. Атрибуцию изделия как стремени затрудняет отсутствие петли для подвешивания. Непонятно и назначение небольшой воронковидной спаянной железной втулки, от которой сохранилось только основание, оканчивающейся спаянным кругом (рис. 10, 5). В последнем пробито сквозное отверстие. Заканчивая описание бытовых предметов, необходимо упомянуть о плоском т-образном изделии (рис. 11, 1). Два полукруглых края изделия с массивной заклепкой для крепления, в другом – пробито сквозное отверстие, в которое также, вероятно, была вставлена заклепка. Назначение предмета определить сложно. Возможно, бытовым предметом является и изделие, состоящее из двух скрепленных неподвижными кольцами стержней с кольцами на концах, расположенных перпендикулярно по отношению к скрепляющим (рис. 7, 6). Возможно, это и фрагмент цепочки хороса.

Таким образом, значительная часть проанализированных ремесленных и бытовых предметов также уникальна для юго-восточного Крыма, что, исходя из недостаточного уровня исследования праболгарских памятников Таврики, не удивительно. Они значительно дополняют наши представления о характере и специфике занятий населения этой части полуострова в рассматриваемый хронологический период.

Как уже отмечалось, многие из проанализированных предметов, особенно вооружения и конского снаряжения, носят следы сработанности или поломки. Их небывалое разнообразие и обнаружение на территории одного поселения и, возможно, в одном или нескольких хозяйственных комплексах, может свидетельствовать о том, что изделия были предназначены для переплавки или ремонта в одной или нескольких кузницах поселения. Если это предположение верно, то кузнечные мастерские данного памятника играли заметную роль в жизнедеятельности праболгар юго-восточного Крыма. По свидетельству В.К. Михеева, в Подонье зафиксированы многочисленные случаи починки предметов быта и вооружения, особенно удил, кузнецами, занимавшимися не только изготовлением, но и ремонтом изделий [Михеев, 1985, с. 91-92].

С другой стороны, совершенно очевидно, что изделия не были переплавлены и отремонтированы. Брошенными в таком количестве они могли быть только в случае гибели самой мастерской и, вероятнее всего, самого поселения. Время гибели определить сложно. Большинство вещей не имеют узких хронологических рамок существования. Однако, основываясь на неоднократно опубликованных исторических построениях, это могло произойти в середине X в., чему не противоречит хронология ни одного предмета. Таким образом, перед нами пока самый полный комплекс предметов вооружения, конского снаряжения, ремесленных и бытовых предметов наиболее позднего этапа праболгарской культуры Крыма.

Литература

Аксенов В.С. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжениями Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. Вип. 30. № 413. 1998. С. 137–149.

Аксенов В.С. Исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника // АБУ 1999-2000 рр., К., 2001. С. 3–5.

Аксенов В.С. Исследования Верхнесалтовского IV катакомбного могильника // АБУ 1999-2000 рр., К., 2001а. С. 65–67.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник VIII-X вв. // ХА. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.

Аксенов В.С., Хоружая М.В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002-2004 гг.) // ХА. Т. 4. Киев–Харьков, 2005. С. 199–215.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтовомаяцкая культура) К., 1990.

Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост Българите в Северното Причерноморие. Т V. В.Тырново, 1996. С. 71–88.

Дончева-Петкова Л. Сгради при южния сектор на западната крепостна стена на Плиска // Плиска-Преслав. Т. 5. 1992. Шумен. 1992. С. 124–145.

Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 165–167.

Йотов В. Въоръжението и снаряжението от ранното Българско

средневековие // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в. Варна, 2000. С. 123–136.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991.

Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир, 1997. С. 61–69.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. САИ. Е 1-36. М. Л., 1966.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 298–363.

Колода В.В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // ХА. Т. 4. Киев–Харьков, 2005. С. 216–233.

Колода В.В. Уникальный древнерусский топор // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков, 2007. С. 6–11.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32.

Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2(3), март-апрель 2000 ([http:// archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm](http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm)).

Копыл А.Г., Татаринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и фино-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 52–71.

Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII–X вв: Дис... канд. ист. наук. Харьков, 1987 // НА ІА НАНУ, ф.12/656.

Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 98–101.

Крыганов А.В. Восточноевропейские кочевнические удила // Вестник ХГУ. 1989. № 342.

Крыганов А. В. Кинжалы и боевые ножи раннесредневековых кочевников юга Восточной Европы // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.

- Криганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // *Археологія*. 1993. № 2. С. 52–62.
- Крыганов А.В. Раскопки Нетайловского могильника в 2003 г. // *АВУ 2002-2003 рр. К.*, 2004. С. 190–191.
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // *МИА*. 1958. № 62. С. 85–150.
- Майко В.В. Некоторые аспекты вооружения и конского снаряжения тюрок Таврики VIII–X вв. // *Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV вв.* Варна, 2002. С. 99–108.
- Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004.
- Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской Долины. К., 2007.
- Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // *СА*. 1955. Т. 23. С. 131–168.
- Милчев Ат., Ангелова Ст. Разкопки и проучвания в м. «Калето» при с. Нова Черна, Силистренски окръг през 1967 г. // *Археология*. Кн. 3. 1969. С. 31–48.
- Міхеєв В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Зброя салтівської культури та її виробництво // *Питання історії народів СРСР* Вип. 4. Харків, 1967.
- Міхеєв В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // *Археологія*. № 9. 1973. С. 90–99.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харків, 1985. Рис.34. 1–8.
- Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // *СА*. № 3. 1986. С. 158–173.
- Михеев В.К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // *ХА.-Т. 3*. Киев–Харків, 2004. С. 74–93.
- Нестеров С.П. Тёсла древнетюркского времени в Южной Сибири // *Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск, 1981. С. 168–172.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // *МИА*. № 142. 1967.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // *МАИЭТ.-Вып. IV*. Симферополь, 1995. С. 271–396.

Степи Євразії в епоху середньовіччя. М., 1981.

Сухобоков О.В. Вознесенська Г.А., Приймак В.В. Клад озброєнь та прикрас з Битицького городища // Древні слав'яни та Київська Русь. К., 1989. С. 92–105.

Сухобоков О.В., Горбаненко С.А. Землеробські знаряддя з розкопок археологічного комплексу біля с. Ніцаха Сумської області // АБУ 2002–2003 рр. К., 2004. С. 383–388.

Флєров В.С. Правобережне Цимлянське городище в світє розкопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ.-Вып. IV. Симферополь, 1995. С. 441–516.

Худяков Ю.С. Вооружение Енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115–132.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Henning J. Archäologische funde von eisenfesseln aus den Bulgarischen siedlungsgebieten zwischen Wolga und Donau // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. С. 52–61.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АБУ	- Археологічні відкриття в Україні
МАИЭТ	- Материали по археології, історії та етнографії Таврії
МИА	- Материали та дослідження по археології СРСР
СА	- Советська археологія
САИ	- Свод археологічних джерел
ХА	- Хазарський альманах

В.В. Майко, О.В. Гаврилов, В.Д. Гукін

КОМПЛЕКС ОЗБРОЄННЯ, КІНСЬКОГО СПОРЯДЖЕННЯ ТА ПОБУТОВИХ РЕЧЕЙ ІЗ ПРАБОЛГАРСЬКОГО ПОСЛЕННЯ ІХ — ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ X ст. В ПІВДЕННО-СХІДНОМУ КРИМУ

Резюме

У статті проаналізовано унікальний комплекс предметів озброєння, кінського спорядження, сільськогосподарських, ремісничих та побутових речей, що походять із підйомного матеріалу праболгарського поселення поблизу с. Руське у Південно-Східному

Криму. Предмети озброєння та кінського спорядження, котрі до цього серед праболгарських матеріалів півострова у такій кількості не зустрічались, дозволять уперше поставити питання про характер озброєння населення цієї частини півострова у другій половині IX — першій половині X ст. Побутові речі значно доповнюють наші уявлення про заняття та промисли праболгар Південно-Східної Таврики.

Вірогідно, усі виявлені речі є пов'язаними з одним або з кількома господарськими комплексами. Скоріш за все, усі вони були віддані на ремонт або переплавку і залишились на місці після загибелі поселення у середині X ст.

В.В. Майко, А.В. Гаврилов, В.Д. Гукин

КОМПЛЕКС ОРУЖИЯ, КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ И БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ С ПРАБОЛГАРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X вв. В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Резюме

В статье проанализирован уникальный комплекс предметов вооружения, конского снаряжения, сельскохозяйственных, ремесленных и бытовых предметов, происходящий из подъемного материала праболгарского поселения близ с. Русское в Юго-Восточном Крыму. Предметы вооружения и конского снаряжения, до этого среди праболгарских материалов полуострова в таком количестве не встречавшиеся, позволяют впервые поставить вопрос о характере вооружения населения этой части полуострова во второй половине IX – первой половине X вв. Предметы быта значительно дополняют наши представления о занятиях и промыслах праболгар Юго-Восточной Таврики.

Вероятно, все обнаруженные предметы связаны с одним или несколькими хозяйственными комплексами. Скорее всего, они были отданы на ремонт или переплавку и оказались брошенными после гибели поселения в середине X в.

V.V. Maiko, A.V. Gavrilov, V.D. Gukin

**COMPLEX OF WEAPON, HORSE EQUIPMENT AND DOMESTIC
OBJECTS FROM OLDBOLGARIAN SETTLEMENT OF IX – first half
of X c. IN SOUTH-EAST CRIMEA**

Summary

The unique complex of the articles of armament, horse equipment, agricultural, handicraft and domestic objects is analysed in the article, descended from lifting material of the oldbolgarian settlement near v. Russkoe in south-east Crimea. The articles of armament and horse equipment, to it among oldbolgarian materials of peninsula in such amount not meetings, allow first to put a question about character of armament of population of this part of peninsula in the second half of IX – first half of X c. The articles of way of life considerably complement our pictures of employments and trades of oldbolgarian in the south-east Tavrika.

Probably, all of the discovered objects are related to one or a few economic complexes. Probably, they were given on repair or melt back and appeared abandoned after death of settlement in the middle of X c. AD.